

Белякова Евгения Олеговна, Никулушкин Константин Владимирович
**ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ "КОНСТИТУЦИЯ" В
ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИ-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ**

В статье раскрывается правовое становление понятия "конституция" на интеллектуальном фоне исторических этапов развития России и рассматривается движение понятия "конституция" в терминологической интерпретации политически-словарного дискурса. Исследование совершается на основании герменевтического и исторического методов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2017/4-5/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2017. № 4-5 (118). С. 21-24. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2017/4-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 34.01:801.73

Юридические науки

В статье раскрывается правовое становление понятия «конституция» на интеллектуальном фоне исторических этапов развития России и рассматривается движение понятия «конституция» в терминологической интерпретации политически-словарного дискурса. Исследование совершается на основании герменевтического и исторического методов.

Ключевые слова и фразы: герменевтика; декларация; демократия; конституция; культура; политическая система; терминология.

Белякова Евгения Олеговна*Вторая Санкт-Петербургская гимназия**const.nickulushckin@yandex.ru***Никулушкин Константин Владимирович***Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург**const.nickulushckin@yandex.ru***ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ «КОНСТИТУЦИЯ»
В ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИ-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ**

Политико-правовые отношения, зародившиеся с возникновением понятия государственности и имеющие длинную историю развития, разворачивают полноту своего конструктивного выражения в юридической терминологии, фиксирующей значения не только в культурном сознании, но и в структуре письменного документа – законодательном тексте, который и является по существу официально установленным законом в обществе.

Категориально-понятийные элементы, формирующие целостность правового установления в юридических нормативных актах, представляют содержательный интерес в качестве семиотического выражения своей формы, декларирующей особенности политического «произношения» и понимания законодательных норм в культурных границах исторической эпохи.

Конституция, как основное понятие политической системы демократического государства, является выразительным объектом для герменевтического исследования, позволяющего раскрыть во внешней формуле определения, интеллектуально «опирающегося» на гносеологию исторического сюжета, содержательное движение смысла в политико-юридическом контексте отечественной культурной онтологии.

Соответственно, вышеуказанные терминологически-методологические пропозиции к теме исследования определяют цель статьи: установить исторические границы политически-правовой актуализации термина «конституция» и провести сравнение конституционных параметров начального этапа их становления в законодательной форме и уложением пунктов Конституции РФ (12.12.1993 г.); раскрыть изменение содержательного объема исследуемого термина в политических словарях различных исторических периодов культурного развития нашей страны и обосновать правовую валентность смыслового выражения.

В отечественной политической культуре началом «легального» категориального положения термина «конституция» становится период Первой русской революции 1905-1907 гг. Исторический факт 1905 года, свершившийся в границах родного отечества, впервые полагает переход конструктивных элементов конституции из теоретических положений, идеи которых начали развиваться русской политической мыслью еще с середины XVIII столетия, в положения действительного государственного документа, регламентирующего новые правовые отношения между властью и гражданами. Данное событие совершается 17 октября 1905 г. (по старому стилю 30 октября) с изданием законодательного акта верховной власти Российской империи: «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка».

Идеи Манифеста были подготовлены председателем Комитета министров Сергеем Юльевичем Витте и представлены императору Николаю II в связи с наступившим обострением внутренних политических противоречий в государстве, отразившихся в действиях крестьянских бунтов, стачек рабочих и вооруженных выступлений 1905 г.

Русский император Николай II, в силу сложившихся внутригосударственных беспорядков, вызванных народным несогласием с существующей политической системой власти, подписал и обнародовал Манифест в газете «Ведомости СПб. градоначальства» за № 221 от 18 октября.

В небольшом по лексическому объему тексте имеется всего 3 пункта, утверждающих в историческом пространстве русского государства новую эру правовых положений во внутривнутриполитической структуре России. Указанные 3 законодательных параграфа со временем обретут полноту своего выражения в названии – Конституция. Прочитаем правовые основания Манифеста в историческом документе:

«1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенной личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы

населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив, засим, дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незабываемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от НАС властей» [1, с. 1].

Рассмотрим указанные в Манифесте параграфы, дарующие новые права обществу, и прокомментируем их правовое расширение на основе современного знания Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.

Пункт № 1 Манифеста 1905 г. еще соединяет в одном абзаце естественные права человека и гражданина, не разделяя положения права и свободы человека: неприкосновенности личности, свободы совести и свободы слова от положений права и свободы гражданина: создание различных по политическим интересам союзов и союзов.

Указанные Манифестом права и свободы вошли в Конституцию РФ, но уже имеют в ней точное деление на гражданские и естественные, выраженные понятной и расширенной формулировкой в соответствующих текстах статей пунктов Манифеста: прав и свобод человека – № 22, № 28, № 29, и прав и свобод гражданина – № 13, № 30.

Пункт № 2 Манифеста 1905 г. устанавливает общее избирательное право в Государственную Думу для всех сословий, тем самым полагая участие и проявление политической воли каждого гражданина в государстве. Государственная Дума – новый законодательный орган в Российской империи, только еще формирующийся, и участие голоса каждого гражданина в выборе ее будущих депутатов имело большое значение для развития национальной политической культуры. В Конституции РФ система голосования определяет всеобщее равное прямое право для участия в выборах Президента (статья № 81), а в Государственную Думу – установлены правила, согласно статье № 96, на основании федерального закона, регламентирующего ситуацию в зависимости от выборов по партийному списку или одномандатным округам.

Пункт № 3 Манифеста 1905 г. предполагает ослабление единоличной законодательной власти императора путем согласования всех издаваемых законов в стране с депутатами Государственной Думы. Положение нового законодательного органа в политической жизни России 1905 г. нашло свое отражение в более совершенной и конституционной форме государственности – разделении властей в статье № 10 Конституции РФ: государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Соответственно, значение Манифеста 1905 г. в русской истории заключается в прекращении единоличного законодательного права Российского императора, разделяющего теперь полноту законотворчества с Государственной Думой, и в даровании населению Российского государства части прав и свобод человека и гражданина, представленных полноценно в политической практике современных демократических стран. Нормативный правовой акт высшей юридической силы государства, на который мы полагаемся в гражданско-правовой практике наших дней – Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., включила в себя первые установления Манифеста 1905 г., которые прошли длинный исторический путь через Конституции: РСФСР 1918 г., СССР 1925 г., СССР 1937 г., СССР 1978 г., и стала символом демократии и законодательным документом для юридических и политических отношений граждан нашей страны.

Рассмотрим понятие «конституция» не в качестве элемента законодательного института, а как смысловое выражение концепта в политически-историческом контексте отечественной государственности.

Обратимся к определению термина «конституция» в политической энциклопедии 1917 года В. Чухина. На страницах издания предлагается следующее раскрытие понятия: «Конституция – основной закон, определяющий государственное устройство въ странахъ, управляемыхъ народнымъ представительствомъ» [7, с. 106]. Теоретическое положение Конституции в проекте государства разъясняется очень кратко, в авторском раскрытии понятия «конституции» дается имманентная ей дефиниция только главного демократического института, отличающего республиканскую форму правления от формы правления монархии: управление народным представительством. В тексте определения не имеется никакой точной информации о том, что же такое «основной закон», чем он характерен в положениях конституции, так же как отсутствует и уточнение – что есть народное представительство, в какой форме государственного законодательного устройства оно проявляется (в виде двухуровневого парламента или Государственной Думы).

В чем же причина краткости подобного определения в 1917 г. понятия «конституция»? Неужели в истории русской культуры политические институты, представляющие принципы демократии, были совершенно незначимы или терминологически невыразимы в национальном языковом тезаурусе и, вследствие этого, не могли быть представлены в красивом исчерпывающем определении главного рассматриваемого понятия демократического государства? Обратимся к историческому сюжету русской политической культуры XX века, а именно, к периоду, который был обозначен выше – «Революции 1905-1907 гг.». Массовые выступления 1905 г., начавшиеся с расстрела 9 января императорскими войсками мирной демонстрации рабочих – «Кровавое воскресенье», закончились принятием монархическим правительством Манифеста 17 октября 1905 г., утверждавшего гражданские права и свободы и ограничивавшего личную императорскую законодательную власть в государстве путем установления нового законодательного учреждения – Государственной Думы. Манифест 17 октября, опубликованный под названием «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка», декларировал права, отсылающие к положениям законов тех стран, которые уже имели в своем исторически

сложившемся суверенитете высший законодательный документ – Конституцию (в США, принята 7 декабря 1787 года; во Франции, принята 3 сентября 1791 года). Соответственно, отсутствие более содержательного определения термина «конституция» в составе энциклопедии В. Чунихина не может являться незнанием демократических основ, выраженных в зарубежных законодательных актах Конституций. Что же тогда явилось причиной идейной и лексической слабости в интеллектуальном развороте на страницах энциклопедии понятия «конституция»? Можно лишь предположить в качестве гипотезы, что ответом на поставленный вопрос является само время 1917 года, которое раскрывает в истории Российского государства полную внутривластную нестабильность, рассекающую в политической мысли того времени ясное представление о структурном определении и содержательном изложении состава отечественной Конституции. Обоснованным поводом явились две революции – февральская (23 февраля 1917 г.) и октябрьская (25 октября 1917 г.), – имевшие политической предпосылкой как внутренние нерешенные многопартийные противоречия по вопросу государственного управления и системы хозяйственного развития страны, так и внешнеполитическую слабость, проявившуюся в военных действиях (русско-японская война 1904-1905 гг., Первая мировая война 1914-1918 гг.). Соответственно, не имея твердого политического маршрута в направлении будущего развития государства, невозможно дать точное и понятное определение Конституции для его граждан.

Обратимся к следующему историческому этапу содержательного развития термина «конституция», предложенному в Политическом словаре 1940 года. Определение раскрывается в двух предложениях: «Конституция – основной закон государства, определяющий начала государственного устройства, строение государственных органов, избирательную систему, права и обязанности граждан. Конституция – это “закон об участии народных представителей в законодательстве и управлении государством” (Ленин)» [5, с. 274]. Два предложения моделируют сложившуюся социально-культурную ситуацию и метафорически переводят в состояние политической двуличности исторического времени, в котором, с одной стороны, во внешней эстетической форме политической жизни развешиваются яркой палитрой демократические лозунги, убеждающие в государственной актуальности прав и свобод граждан, а с другой стороны, во внутреннем пространстве культурно-духовного существования сворачивается свободная мысль (идея), исчезающая под воздействием ленинско-сталинской идеологии во всеобщем политико-мистическом обскурантизме.

Правовое измерение жизни государства в сталинскую эпоху совершается при помощи тоталитарных карательно-воспитательных инструментов, а не при содействии демократических поправок к общему корпусу законодательных актов (закон не зыблем как монумент), регулирующих внутривластную систему государства на основе конституционной легитимности.

Культурная динамика политически-правовых стереотипов в решении государственных вопросов настолько прочно сложилась в основании советской юриспруденции, что апеллирование в судебном разбирательстве к пунктам Конституции СССР с необходимостью предваряло уже готовое решение по рассматриваемому вопросу различных инстанций единого административно-партийного аппарата – ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ.

Скользким отражением подобной юридической практики, нивелирующей установленный закон, является отсутствие во многих политических словарях советского постсталинского времени понятия «конституция». Так, например, терминологического определения «конституции» нет в словарях: составленном Е. И. Бородиным [2] и под редакцией Е. Ф. Борисова, В. А. Жамина, М. Ф. Макаровой [6], несмотря на то, что для любого политического тезауруса «конституция» есть основополагающий принцип в формировании институционального понимания государственности.

В новейшее историческое время Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., принятая в результате всенародного референдума, изменила неформальные юридические традиции СССР в системе законодательных нормативных правовых актов страны. Апелляция в правовом установлении к параграфам Конституции РФ в наши дни – достаточно частый феномен в юриспруденции. Современные политические словари уже не обходятся без терминологической единицы политико-правового поля «конституция», предлагая различные, не расходящиеся по главному значению, вариации содержательного объема понятия. Приведем некоторые из них: «Конституция – основной закон государства, закрепляющий основы политического, социально-экономического и общественного устройства страны, права и обязанности граждан, систему, принципы и механизмы образования и функционирования государственных органов, основы избирательной системы» [3, с. 20]; «Конституция – важнейший нормативный акт государства, основной закон, закрепляющий общественное и государственное устройство, принципы избирательного права, порядок формирования и принципы деятельности государственных органов, правовой статус личности» [4, с. 121]. Смысловая композиция определения не нарушается, можно лишь расставить внутренние приоритеты авторского взгляда в развитии содержания. Так, например, в одном из определений установление закона начинается через экспрессию прилагательных «важнейший» и «основной», а в другом – только через «основной»; равно как в одном случае словарного выражения «правовой статус личности» отражает прерогативу «естественного права», а в другом «права и обязанности граждан» апеллируют к принципам государственной суверенности.

Таким образом, в исторической области отечественного законодательства понятие «конституция», получившее статус политической действительности в императорском манифесте 1905 г. и развернувшее весь объем демократических прав и свобод в структуре Конституции РФ от 1993 г., моделирует в ракурсе словарно-хронологического развития культурно-правовой диапазон исследуемой эпохи, раскрывающейся композиционной целостностью терминологического выражения «конституции» и гражданского отношения к ее действительным политическим пределам в стране.

Список источников

1. **Высочайший Манифест** // Ведомости СПб. градоначальства. 1905. № 221.
2. **Краткий словарь политических, экономических и технических терминов** / сост. Е. И. Бородин. М.: Молодая гвардия, 1962. 192 с.
3. **Краткий словарь-гlossарий по политологии** / сост. А. Л. Болдонов, Т. Д. Башинова, Е. Д. Тармаханов. Улан-Удэ: В-СГУ, 2005. 48 с.
4. **Новейший политологический словарь** / авт.-сост. Д. Е. Погорельый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 318 с.
5. **Политический словарь** / под ред. Г. Александрова, В. Гальянова, Н. Рубинштейна. М.: Госиздат. полит. литературы, 1940. 671 с.
6. **Политэкономический словарь** / под ред. Е. Ф. Борисова, В. А. Жамина, М. Ф. Макаровой. М.: Политиздат, 1972. 367 с.
7. **Чунихин В.** Общедоступная политическая энциклопедия. СПб.: Типография Х. Л. Селецкого и И. Любинского, 1917. 142 с.

**HERMENEUTICS OF TERMINOLOGICAL DEFINITION “CONSTITUTION”
IN THE HISTORICAL TEXT OF POLITICAL-LEGAL CULTURE OF RUSSIA****Belyakova Evgeniya Olegovna***The Second Saint Petersburg Gymnasium
const.nickulushckin@yandex.ru***Nikulushkin Konstantin Vladimirovich***Herzen State Pedagogical University of Russia in Saint-Petersburg
const.nickulushckin@yandex.ru*

The article reveals legal formation of the concept “constitution” against intellectual background of historical stages of Russia development, and examines progress of the concept “constitution” in terminological interpretation of the political-dictionary discourse. The study is performed on the basis of hermeneutic and historical methods.

Key words and phrases: hermeneutics; declaration; democracy; constitution; culture; political system; terminology.

УДК 654.026

Технические науки

Статья раскрывает содержание задачи формирования системы управления телекоммуникационным оборудованием, которое получает все более широкое применение на сетях связи специального назначения (СССН). Основное внимание авторы акцентируют на формировании адекватного подхода к реализации полноценной системы управления современным телекоммуникационным оборудованием, способной эффективно решать задачи, учитывая особенности СССР.

Ключевые слова и фразы: система управления; сеть связи специального назначения; телекоммуникационное оборудование; программное средство; мониторинг; специализированное программное обеспечение.

Богачев Константин Геннадьевич, к.т.н., доцент**Субботин Дмитрий Васильевич***Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного, г. Санкт-Петербург
bogachev1977@rambler.ru; dmitriy.vas.subbotin@gmail.com***Иванин Андрей Николаевич***г. Санкт-Петербург
andreivanin@gmail.com***ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫМ ОБОРУДОВАНИЕМ РАЗЛИЧНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ,
ПРИМЕНЯЕМЫМ НА СЕТЯХ СВЯЗИ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

Проблема разработки и внедрения системы управления телекоммуникационным оборудованием не нова. В разное время она решалась по-разному, в зависимости от уровня развития технологий, места применения средств связи, а также взглядов производителей оборудования на средства управления выпускаемым ими оборудованием.

Первые элементы системы управления сетью связи были реализованы в аналоговых системах передачи в виде подсистемы сигнализации и телеконтроля. Однако отнести реализованные функции к сетевой системе управления можно только со значительными ограничениями. Следующим этапом в расширении возможностей по управлению оборудованием явились внедрение технологии плезиохронной цифровой иерархии (ПЦИ) и заложенные в ней встроенные процедуры сигнализации об аварийных состояниях.

Очередным шагом, который ознаменовал в каком-то роде прорыв в телекоммуникационных технологиях конца 1980-х – начала 1990-х годов, стали разработка и внедрение технологии синхронной цифровой иерархии (СЦИ) с её достаточно мощным и детально проработанным механизмом управления сетью. Долгое